

Протоиерей Валентин Свенцицкий

МОНАСТЫРЬ В МИРУ

Беседы о духовной жизни

Валентин Свенцицкий

Монастырь в миру.
Беседы о духовной жизни

Православное издательство "Сатись"

2006

Свенцицкий В. П.

Монастырь в миру. Беседы о духовной жизни /

В. П. Свенцицкий — Православное издательство "Сатись", 2006

ISBN 5-7373-0078-1

Путь православного христианина – узкий и тернистый путь. Мы, живущие посреди мятущегося, вконец осуетившегося мира, часто претыкаемся на этом пути или останавливаемся в смущении и недоумении: как и куда двигаться дальше? И вот – проповеди, поучения приснопамятного протоиерея, много пострадавшего от безбожных властей, о. Валентина Свенцицкого (1882–1931), это спасительные «вешки» в нашем земном странствовании. Слово о. Валентина поможет нам, если только мы того пожелаем, сойти со стремительной, оупляющей и яростной карусели мирской и воздвигнуть, в сердце своем, монастырь в миру, уединиться в тиши «духовного внутреннего затвора»... Выпуская в свет собрание проповедей о. Валентина: «Беседы о духовной жизни» в 2-х книгах, православное издательство «Сатись» дает нам возможность воспринять слово пастыря, светлая память о котором да не угаснет в наших сердцах.

ISBN 5-7373-0078-1

© Свенцицкий В. П., 2006

© Православное издательство
"Сатись", 2006

Содержание

Беседы о духовной жизни	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Протоиерей Валентин Свенцицкий

Монастырь в миру.

Беседы о духовной жизни

Мы должны искать пустынножителства не только в каких-либо местах, но и в самом произволении и прежде всего другого душу свою ввести в самую необитаемую пустыню.

Св. Иоанн Златоустый. О сокрушении. 2-й

*По благословению
Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II*

Беседы о духовной жизни

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Монастырь в миру – вот основная идея всего моего служения. Она лежит в основе моей настоятельской деятельности, она лежит в основе моего духовничества, она лежит в основе моих проповедей.

Многие считают эту идею неосуществимой, для многих она представляется неверной, но для очень многих, несмотря на то, что я постоянно возвращаюсь к ней, она все еще недостаточно ясна.

И вот ныне, я имею побуждение вновь говорить о том же, говорить со всей ясностью, с которой я только могу.

Я всегда стараюсь как можно меньше говорить от себя и держаться учения Церкви и Святых Отцов, я и здесь не погрешил против этого. Монастырь в миру – это не моя мысль – это мысль святоотеческая. Святой Иоанн Златоустый говорит следующее:

«Мы должны искать пустынножительство не только в каких-либо местах, но и в самом произволении и прежде всего другого душу свою ввести в самую необитаемую пустыню».

Вот монастырь в миру.

Если есть что-либо новое в моих словах, то это лишь то, что эту задачу я считаю задачей нашей эпохи. Если есть что-либо новое здесь, то не самая эта мысль, а постоянный благовест мой о том, что нужно сознательно поставить перед собой эту задачу, ибо это – задача нашей церковной эпохи. Для того чтобы нам уяснить с надлежащей полнотой и ясностью, что значит созидать монастырь в миру, рассмотрим, как создались монастыри, огражденные высокими каменными стенами.

Преподобный Иоанн Кассиан передает следующую беседу египетских пустынножителей о происхождении монашества.

«Образ жизни киновитян, говорит авва Пиаммон, получил начало от времен апостольской проповеди. Ибо таково было в Иерусалиме все общество верующих, о котором пишется в Деяниях Апостольских (4, 32, 34, 35). Таковы, говорю, были тогда все церкви, каковых ныне очень мало можно найти в киновиях. Но когда, после апостолов, общество верующих начало ослабевать, особенно вступившие в христианскую веру из различных иноплеменных народов, от которых апостолы, по причине невежества их в вере и застарелых обычаях язычества, ничего больше не требовали, как только удерживаться от идоложертвенного, крови, удавлины и блуда, когда при таком снисхождении к христианам из язычников мало-помалу начало приходить в упадок совершенство даже в Иерусалимской Церкви и когда, при ежедневном возрастании числа верующих из туземцев или пришельцев начала ослабевать ревность первоначальной веры, – тогда не только вновь вступавшие в христианскую веру, но даже и предстоятели Церкви уклонились от прежней строгости жизни. Ибо некоторые, почитая и для себя позволительным, что христианам из язычников дозволено было по причине их слабости, думали, что несколько не повредит чистоте их веры обладание имуществом.

Но те, в коих еще пламенела ревность апостольская, помня прежнее оное совершенство, удалялись от своих сограждан и общения с ними, стали пребывать в подгорных уединенных местах и отдельно жить по тем уставам, которые апостолами даны были первенствующей Церкви.

Те, кои мало-помалу с течением времени отделились от общества верующих по той причине, что воздерживались от брака и удалялись сожителства с родными и общения с миром, названы монахами или единожительствоующими от уединенной, одинокой их жизни.

Монахи эти, живя многие совокупно, назывались «киновитами», а келлии и жилища их – киновиями».

Так вот что, по этому свидетельству, лежало в основе стремления к монашеству. Это было стремление отделиться от общества церковного, которое стало постепенно приходить в упадок. Ревностные христиане, помнящие заветы первоначального христианства и чувствующие, что в условиях тогдашней жизни эти заветы мало-помалу уходили из церковной жизни, вознамерились сохранить их; для этого устремились на окраины городов, где стали жить замкнутой, отгороженной от зараженного языческими понятиями и языческим развращением мира жизнью, и там, в этом уединении, начали служить Господу так, как это было заповедано первым христианам. Это были единожительствоующие люди, которые ушли от других во имя служения этой высшей цели.

Сложна история монашества. Много было всевозможных изменений, всевозможных испытаний на его пути. Мало-помалу выработался особый быт монашеского жития, особый стиль монашеского богослужения, выработалась и внешняя обстановка, создались особые здания монашеские, – словом, создался монастырь в современном его понимании.

Но душой монастырской жизни, тем, что лежало в основе устремления в монашество, осталось то же, что было и в первые времена, это было желание отгородиться от развращенного языческого мира, дабы в этом ограждении сохранить чистоту христианства. Естественно, что осуществление такой задачи породило исключительный расцвет молитвенной и духовной жизни. Монастырь стал истинной сокровищницей Церкви. Оттуда выходили истинные светочи Церкви Христовой, там устроили души людей, которые становились духовными вождями; словом, это была твердыня в той брани, которая ведется Церковью Христовой со злым началом мира. И вот наступает время, когда в силу внешних обстоятельств монастырь разрушается и, можно сказать, почти разрушен. Нет больше прежних монастырей в Православной Церкви. Еще сохранились отдельные представители монашества, сохранился еще внешний облик монашества в отдельных людях, кое-где уцелели отдельные небольшие монастыри, почти везде потерявшие свой истинно монастырский дух, превратившиеся в общежития с некоторыми воспоминаниями прежнего монашеского уклада, уже не имеющие той духовной основы монашеской, уединенной жизни, которая прежде была в них.

Но спрашивается, неужели же вместе с тем разрушилось и уничтожилось то, что вызывало потребность в монастырях, то, что жило в человеческих душах, то, что побуждало людей идти в Оптинскую пустынь, или в Киево-Печерскую лавру, или в какие-либо другие уединенные монастыри, скиты и пустыни?

Ведь душа-то человеческая, которая стремилась к этому ограждению себя от мира каменными стенами, которая стремилась отдать свою жизнь на служение Господу в духовном и молитвенном делании, она осталась и не только осталась, но можно сказать, что самое стремление к этому могло лишь возрасти, и оно действительно возросло. А уйти некуда, монастырей больше нет. В каком же положении оказались эти души человеческие, стремящиеся к отделению от мира и в то же время не имеющие возможности заключиться с монастырь так, как это можно было сделать раньше?

Что же им делать?

Обычная приходская жизнь, обычное посещение приходских храмов, может ли это удовлетворить их потребность в уходе от мира за монастырские стены?

Может ли удовлетворить эту потребность какая-нибудь попытка натянутого и бессильного подражания прежнему монастырю, с его прежним укладом?

Совершенно ясно, что возникает какая-то новая великая задача для Церкви, дать удовлетворение этой потребности человеческой души. Эта задача – созидание невидимого монастыря в миру. Задача новая, не потому, что не было такой идеи, высказанной раньше Святыми Отцами, но потому, что никогда раньше она не вставала в такой плоскости и в таком объеме.

Многие пастыри делают работу, которая фактически есть не что иное, как создание монастыря в миру, но эта работа получит твердое основание и будет проходить вполне надлежащим образом лишь тогда, когда она будет поставлена вполне сознательно, когда религиозное сознание верующих примет вполне и осознает ее как задачу современной церковной жизни, дабы те побуждения, которые влекли людей в монастырь, нашли себе удовлетворение здесь в миру, ввиду невозможности уйти за каменные монастырские стены.

Как же должен строиться этот внутренний монастырь?

Как должна осуществляться эта трудная внутренняя задача?

На этот вопрос ответить легко, ибо это устроение внутреннего монастыря должно протекать так же, как протекало оно в условиях прежней монастырской жизни. Мы также должны стать «единожительствующими». И нас побуждает к этому окружающая жизнь, нас к этому побуждает полная невозможность строить нашу внутреннюю, духовную жизнь, не отгородившись внутренне от безбожного, нас окружающего, мира. В каждой семье, в каждом доме, иногда в каждой комнате есть такое взаимоотношение с окружающими, которое заставляет глубоко прятать свою внутреннюю, религиозную, молитвенную жизнь, что является не меньшим побудителем к созданию внутреннего монастыря, чем тот побудитель, которым являлся языческий мир для создания монастырей прежних. Когда человеку нельзя встать в свой угол и лба перекрестить, и он должен делать вид, что смотрит в окно, и в это время мысленно читать свои молитвы, то он поставлен в условия более необходимые для создания внутреннего монастыря, чем тот христианин первых веков, которому приходилось, чтобы проводить христианскую жизнь, уходить в монастырь на окраину города.

С одной стороны, уничтожение прежних монастырей, с другой стороны, всеобщее безбожие и отпадение от веры, – эти два условия неизбежно приводят верующих людей к новому внутреннему монастырю. И они не должны упираться на этом пути, не должны говорить: «Это невозможно, это неясно, неосуществимо»; все это вражеские препятствия на этом пути.

Монастырь в миру не только осуществимая, но самая главная задача нашего времени. Человек для этого и не уходя из мира должен идти по пути такого же внутреннего делания, которым шли люди в условиях прежней монастырской жизни.

Необходимо возвратиться к семейной, домашней, личной молитве, надлежит возвратиться к соблюдению полноты церковности; нужно оцерковлять свою жизнь, надо вернуться к частому причащению Святых Таин, должно вернуться к постоянному богомыслию, к чтению и изучению Слова Божия, читать Жития Святых Отцов, – словом, надо делать то же самое в миру, что люди делали в монастырях, что считалось как бы специальностью, задачей монахов. Все это из монастырей должно перейти в мир и здесь, в миру, должно перерождать человека.

Но для того чтобы это можно было сделать, необходимо исполнить тот завет, который мы только что прочли у ев. Иоанна Златоустого, мы должны «прежде всего другого душу свою ввести в самую необитаемую пустыню», т. е. оцерковление нашей жизни должно, прежде всего, иметь за собой решительное отмежевание нашей внутренней жизни от жизни безбожной, нас окружающей, от нас окружающих понятий, от нас окружающих нравов, от нас окружающей безнравственной жизни. Все то, что можно уподобить прежней развращенной языческой жизни, все это должно быть нами внутренне отринуто. Мы должны как бы заключиться во внутреннюю пустыню, мы должны чувствовать себя так: мы – и они, верующие – и неверующие, верные – и безбожники, Церковь – и мир, царство от мира сего – и царство «не от мира сего», «граждане земли» – и «граждане неба».

Все это должно определить наше отношение к миру как уходение из него, как ограждение своего внутреннего строя от этого, совершенно на иных началах строящегося мира безбожного. Вот когда это уходение внутреннее совершится так же, как оно ранее совершалось при уходении в монастыри, и человек встанет на путь полного оцерковления своей внутренней жизни, начнет созидать свою молитву, начнет соблюдать посты, начнет ходить в храм Божий, причащаться Святых Таин, отдаст себя в духовное руководство, будет находиться в послушании, прекратит мирское, самочинное свое житие – словом, когда вся его внутренняя жизнь будет не что иное, как создание того же самого монастыря с тем внутренним содержанием, которое было в прежнем монастыре за каменными стенами, тогда будет найден выход для жаждущих монастырской жизни и в нашу эпоху.

Так вот что значит «монастырь в миру».

«Монастырь в миру» – это создание молитвенной, духовной жизни, которую мы переносим из наших разрушенных монастырей в условия жизни мирской. Здесь такое же уходение от развращенного мира, как там, здесь такое же уединенное жительство, как там, здесь такое же устремление к высшему и горнему, к служению Богу, как там, здесь может быть и такое же полное оцерковление, как там, здесь может быть и такое же великое послушание, как там. И тогда, если эта задача будет выполнена нами, будет создан новый невидимый монастырь взамен разрушенных монастырей. И этот монастырь не смогут разрушить никакие случайные, внешние обстоятельства.

И это не мечта, это не художественная греза, это не какой-то манящий призрак, может быть, прекрасный, но неосуществимый, это есть самая подлинная правда, это есть великая задача нашего времени.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святые Отцы научат нас жить так, чтобы постоянно памятовать о смерти: ложась спать, мыслить, что Господь, может быть, не приведет встать наутро, а утром, вставая, думать о том что Господь, может быть, призовет до вечера.

И в отношении всякого дела эта мысль должна жить в человеческом сердце, должна она жить и в сердце каждого пастыря. И он также и в отношении своего пастырского служения всегда должен иметь эту мысль, что сегодня он здесь, а завтра его нет. Эта мысль побуждает всегда стараться передать то, что тебе представляется самым важным в деле спасения.

Думается, что если бы ты знал, что тебе последний раз придется вести беседу, что бы ты сказал своим духовным детям наиболее, по твоему разумению, важного и нужного для них?

Все велико и важно в учении Церкви, но есть в нашем внутреннем устройении некоторое особое ощущение, особое внутреннее состояние, которое стоит за всей жизнью нашей и является как бы внутренней ее основой. Вот эту-то основу, на которой зиждется внутренняя жизнь человека, вот это-то чувство, возделенное для каждого верующего, и надлежит раскрыть, как главнейшее в деле нашего внутреннего устройства.

Это чувство заставляет иногда остро переживать жалость, смятение при виде множества, страшного множества, неверующих людей, живущих без Бога, без Церкви, без молитвы, без радости, без счастья.

Иной раз, когда едешь в трамвае или на поезде, так и взял бы за руку сидящего против тебя и сказал бы: «Да зачем же ты живешь на свете, зачем ты живешь? Думал ты когда-нибудь об этом?»

Все эти погрузившиеся в мирские дела люди представляются такими жалкими, такими несчастными, точно больными в бреду, бродящими по земле, не зная куда, не зная зачем, не зная для чего.

Есть три пути, и один только из них есть путь жизни, а два пути – пути смерти. Один путь смерти – это есть путь прямого неверия и безбожия, другой путь, обольщающий иных, – это есть подобие веры, когда говорят, что верю, но по-своему верю, а в Церковь не хожу, верю, но не причащаюсь. Эти люди идут как будто в том же направлении, в котором идет и путь жизни, но они идут в сторону и не могут придти к спасению.

Последний путь – путь Церковной жизни, единственный, истинный путь спасения.

В основе этого пути лежит перерождение человека благодатным действием Таинства.

Христианин и нехристианин – это только по видимости одно и то же, но по своему внутреннему существу это нечто совершенно различное.

Христианин рожден свыше и есть уже иной, чем тот, кто не имеет этого рождения.

Это не слова, не богословствование, не отвлеченная академическая мысль, это есть самая подлинная, самая истинная жизненная правда, и если, по некоему наваждению, это перерождение не чувствуется или не дает плодов, то это вовсе не значит, что его нет.

Благодать Духа Святого все меняет в душевном строе человека. Она меняет, прежде всего, его отношение к внешнему миру. Внешний мир для верующего человека представляется как проходящий сон.

Когда мы читаем у Святых Отцов сравнение живущих на земле со странниками (у ев. Иоанна Лествичника и других), когда нам говорится о том, что мы здесь на земле во временном жилище, на остановке, и потом пойдем дальше в путь, здесь имеется в виду не простое образное сравнение, а самое точное выражение того внутреннего ощущения в отношении окружающей жизни, которое живет в душе у человека веры. Ведь если мы будем рассматривать и чувствовать окружающую жизнь только как временную остановку, а не как постоянный наш дом, естественно, что мы совершенно по-иному начнем к ней относиться.

Мы делаем необходимое для того, чтобы существовать здесь на земле: мы должны есть, должны одеваться, должны иметь жилище. В наших квартирах, у христиан, идет повседневная жизнь мирская, и нам нужно, чтобы было все то, что есть необходимое условие нашего земного бытия. Но ведь ты внутренне рожден свыше и внутреннее твое отношение ко всем этим заботам совсем не то, чем у тех, кто смотрит на земную жизнь глазами смерти. Для нас эти условия земного бытия – временная квартира, и мы постоянно чувствуем это. И когда пьем чай, и когда садимся за обед, и когда ходим покупать дрова, и когда заботимся о нашей одежде, и когда думаем о всевозможных житейских мелочах, мы все время внутренне чувствуем себя странниками. Мы чувствуем, что не в этом жизнь наша, а что это только необходимые условия ее, так же, как и для странника, которому тоже нужно иметь кусок хлеба, чтобы идти в путь.

Дальше, переживания касаются нашего внутреннего состояния уже не в отношении форм внешней нашей жизни, а в отношении нашего внутреннего мира. Мы, верующие, ощущаем нечто, что делает нас иными, чем люди неверующие; мы чувствуем свое бессмертие!

Бессмертие для нас не теоретический вопрос, не какая-то философская проблема, не нечто такое, что нужно доказывать, а самое жизненное, несомненное наше знание.

Спрашивают о доказательствах бессмертия!

И нам приходится что-то такое от разума приводить, чтобы доказать это, но это так же не нужно для верующей души, как для человека, имеющего здоровые глаза, не нужно теоретических доказательств, что видимый мир существует, ибо он видит его глазами своими. Совершенно то же самое и в отношении благодатного ощущения бессмертия.

Когда мы стоим друг против друга, и смотрим друг на друга, и чувствуем внутреннюю жизнь, как смешно и нелепо кажется нам отрицание человеческого бессмертия и требование каких-то доказательств.

Ведь ты сам живое свидетельство бессмертия и твое внутреннее состояние, то, что в сердце твоём, значительней, убедительней и непреложней всяких доказательств от разума и от логики. Вот это есть основа нашего христианского самочувствия, это есть то, что имеют верующие христиане.

Вера в бессмертие утверждается не какими-либо внешними доказательствами, а вот этим благодатным чувствованием своей духовности. Это есть та основа, которую нужно иметь в жизни всегда, и как в отношении окружающего мира надлежит чувствовать себя странниками, так в каждый момент своей жизни, в каждом движении своего существа, нужно всегда ощущать свою духовность, нужно всегда ощущать свое бессмертие.

Но это ли только является иным у людей веры по сравнению с теми, кто этой веры не имеет? Меняется самое отношение уж не к внешнему миру и не к внутреннему своему состоянию, а ко всей жизни, в смысле уразумения ее высшего смысла.

Надо жить так, чтобы всегда видеть перед собой ту жизнь, которая наступит после твоей смерти.

Нужно за всей этой мелькающей, и шумной, и тленной жизнью, за всеми твоими заботами, скорбями, неприятностями, за всем, что заслоняет от тебя высшее, что есть в жизни твоей, ради чего жить на свете стоит, нужно, чтобы постоянно оно горело в твоём сердце и освещало жизненный путь. Нужно ни на одну минуту жизни своей не терять этого, нужно, чтобы постоянно человек чувствовал себя гражданином неба, чтобы никогда земное и тленное так не овладевало им, чтобы ему начинало казаться, что больше, кроме этой грязной, земной жизни, прикрытой лишь красотой, ничего нет, что нет красоты небесной.

Но это ли одно отличает нас от людей неверующих? Есть еще одно, лишь нам, людям веры, доступное, и что уразуметь не могут люди неверующие. Я говорю о величайшем счастье теснейшего единения со Христом в Таинстве Евхаристии и о молитве.

Как можно жить без литургии?

Как можно жить без Евхаристии?

Если ты хоть сколько-нибудь пережил причащение Святых Таин, что ты испытал бы, если бы тебе сказали, что этого больше никогда не будет? Я думаю, каждый из стоящих здесь верующих людей, причащающийся Святых Таин, поймет, что было бы, как отзвук на эти слова, в его душе. Это можно сравнить только с тем, как если бы внезапно в мире погас свет.

Первые христиане не могли дня прожить без Евхаристии. Мы огрубели, мы отяжелели, нас клонят долу наши грехи и наше обмирщение. Но как ни огрубели, как ни отяжелели мы, в нас, верующих, есть все-таки духовность, которая, при Таинстве Евхаристии, заставляет наш дух гореть и оживать хотя бы на одно мгновение. Но эти мгновения таковы, что их не променяешь ни на что земное.

В Евхаристии мы вкушаем залог нашего воскресения, здесь мы видим воочию чудо преобразования плоти, здесь перед нами такое теснейшее соединение со Спасителем, здесь такое милосердие Божие, которое перерождает душу; вкусив это, без этого нельзя жить.

А молитва? Какой нам кажется она, иногда, тяжелой, и скучной, и трудной после трудового суетного, мирского дня!

Но кто же из нас, молящихся, верующих людей, преодолевая эту усталость, эту мирскую нашу тяжесть, когда дух окрыляется и возносится хотя бы несколько над отяжелевшей мирской нашей жизнью, не испытывал вдруг благодатного озарения, в котором открывается Горный мир!

Разве этот момент молитвы нашей не есть та основа внутренней жизни, которую мы должны всегда иметь в своём сердце!

Так вот что нужно передать от сердца в сердце.

Нужно передать постоянное отношение к окружающему миру как к миру чуждому и враждебному, в котором мы лишь странники, нужно передать это внутреннее, постоянное ощущение своей духовности и бессмертия, нужно передать постоянное горение высшим смыслом бытия и нужно передать величайшую радость, которую нам Господь дает в благодатном Таинстве Евхаристии и молитве.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Жизнь мирская – жизнь безблагодатная, жизнь духовная, церковная, исполнена благодати.

Жизнь мирская течет по законам естественного бытия, жизнь духовная вся проникнута Духом Божиим.

«Так и мы, доколе были в детстве, – говорит апостол Павел, – были порабощены вещественным началом мира».

И в послании к Колоссянам:

«Вы со Христом умерли для стихий мира».

Но значит ли это, что в миру совсем не ставится задач возвышенных? Было бы несправедливо сказать так. Но постановка этих возвышенных задач нравственного совершенствования так же безблагодатна, если она вне Церкви. В основе этих задач нравственного совершенствования у отдельных, хороших, по-мирскому, людей лежат личные, человеческие силы. Было время увлечения, положим, толстовскими идеями. Это был как бы призыв к нравственному совершенствованию человека, но без благодатной помощи Божией этот путь нравственного совершенствования оказался беспомощным, он не мог привести и не приводил людей к тому состоянию благодатного устроения, к которому приводит путь благодатный.

Было и еще увлечение индусской философией, так называемой «Йогой», в основе которой желала мысль о развитии скрытых в человеке душевных сил. Как путь, кроме различных, чисто механических упражнений, для развития этих сил предлагалось совершенствование нравственной жизни. Казалось, что это почти совпадает с христианской аскетикой. На самом же деле это было нечто совершенно иное, именно потому, что там все основывалось на личных человеческих силах. Это был путь безблагодатный и потому неспасительный. Совершенно иное раскрывается в христианском учении, в Слове Божиим. Здесь, напротив, все основано на благодати. О значении благодати столь много есть свидетельств в Слове Божиим.

«Я наименьший из апостолов, и недостойн называться апостолом, – говорит апостол Павел, – потому что гнал Церковь Божию, но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1 Кор. 15, 9-10).

Эта благодать открывает человеку истинный смысл жизни, Царство Божие, которое, по словам апостола, «...не пища и питье, а праведность и мир и радость во Святом Духе». – «Господь сказал мне, – говорит апостол Павел, – довольно тебе благодати Моей, ибо сила моя совершается в немощи».

Слова эти совершенно не приемлемы для тех мирских учений, которые полагают основой нравственного совершенствования личные силы человека.

Благодать подается по воле Отца, через Сына:

«Силою Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе» (2 Тим. 1,9).

«Непрестанно благодарю Бога, – говорит тот же апостол, – за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе!»

И, наконец, раскрывается это действование благодати в следующем месте послания к Ефесеянам:

«Предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которую Он облагодатствовал нас в Возлюбленном, в Котором мы имеем искупление Кровию Его, прощение грехов, по богатству благодати Его» (Еф. 1, 5–7).

Так все время напоминает верующим, что они ничто и что только действующая в них благодать Божия ведет их ко спасению.

Что же значить эта благодать Божия в деле нашего спасения?

Не делает ли она ненужными наши усилия? Если мы ничто, мы ни за что не ответственны. Не станем ли мы ждать, когда в нас будет действовать Его Божественная воля, сами не прилагая никаких трудов в деле нашего внутреннего устройства?

Как понимать соответствие между трудами и усилиями, и этим учением о благодати Божией?

Было бы совершенно безумным принять именно такое неправославное понимание значения благодати в деле нашего спасения. Это было бы, с одной стороны, уклонением к католичеству, с другой стороны, уклонением к протестантству. Православное, истинное, христианское, церковное учение совершенно не устраняет личных усилий и обязательности их в деле спасения, принимая всю полноту Богооткровенных учений о благодати Божией.

Вы представьте себе, что вам нужно поднять какую-нибудь тяжесть и вы протянули руку, чтобы поднять ее, и когда вы только прикоснулись к этой тяжести, чья-то сильнейшая, мощная рука присоединяется к вашей руке, берет вашу руку и вместе с вами поднимает эту тяжесть. Если бы не эта сильнейшая рука, ваши немощные силы не могли бы поднять и меньшей тяжести, но если бы вы не протянули руку свою, то эта невидимая рука сильного не подняла бы за вас этой тяжести.

Вот таково именно взаимоотношение личной и благодатной силы. Господь требует от нас, чтобы мы немощную руку свою протянули к этой тяжести нашего креста, и тогда сила благодатная, вспомоществующая нам, как бы берет эту нашу протянутую немощную руку и вместе с нами подымает великую тяжесть. А когда мы отвергаем благодать Божию и, надеясь на себя, сами беремся за тяжесть нашего спасения, то мы только делаем вид, самообман, что мы действительно эту тяжесть подымаем. Но и если мы, напротив, будем в ложном смирении думать, что мы настолько ничтожны, что наших усилий не нужно для спасения и что Господь Сам все сделает за нас, а мы будем только ждать этого, то нас благодать Божия не осенит, нам благодать Божия не споспешествует. Благодатное воздействие требует личных наших трудов, и об этом мы имеем также свидетельство в Слове Божиим:

«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12).

В послании к Евреям говорится:

«Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха!» (Евр. 12, 4).

Святые Отцы нас также вразумляют именно к такому пониманию действия благодати Божией. Преподобный Макарий Египетский говорит:

«Если нет воли, Сам Бог ничего не сделает, хотя и может по свободе Своей».

Сознательно поставленный перед нами путь духовной жизни требует правильного уяснения учения о благодати Божией. Если не усвоить этой истины, то постоянно будем хромать то на одну, то на другую ногу. Или ты будешь думать, что все зависит от твоих личных сил, всецело утверждаться на своих трудах и недоумевать, почему у тебя ничего не выходит, или, напротив, ты начнешь небрежительно относиться к тем трудам, которые от тебя требует Господь, и будешь все ждать и так и не дождешься вожденных благодатных сил Божиих.

Нужно непременно уяснить, что ты во всей немогности своей, в полном сознании своего личного ничтожества, должен трудиться всеми силами, памятуя, что не ты поднимешь тяжесть своего спасения, а тебе поможет благодать Божия.

Но ты трудись, ты подними руку, ты протяни ее, дабы все, что есть у тебя в душе твоей, посвятить тому, что требует от тебя Господь.

«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20).

Так говорит Господь в откровении Иоанна Богослова. – «Се стою у двери и стучу...» Это говорится каждому человеческому сердцу, и горе ему, если оно прослушает этот стук.

Надо все время быть настороже и прислушиваться к зову Господню, а когда услышишь его, надо ждать благодати Божией, которая поможет нам в деле нашего спасения.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В духовной жизни, в духовно-нравственном нашем совершенствовании первенствующее значение, как мы видели в прошлой нашей беседе, имеет благодать Божия. Но благодать Божия не только не исключает, но положительно требует от нас трудов, работы Господней.

Мы уподобляли взаимоотношение благодатной силы и личных усилий человека в деле спасения тому, как если бы человеку надлежало поднять какую-нибудь большую тяжесть и он протянул бы руку свою, дабы поднять ее, и в это время ощутил бы, как сильнейшая рука помогает руке его. Мы говорили о том, что если человек не протянет руки своей, то эта помогающая, невидимая, благодатная, Божественная рука не будет сама поднимать за него тяжести, и если, с другой стороны, человек самонадеянно, уповая только на свои личные силы, вздумает поднять тяжесть, то непременно погибнет.

Вот потому так важно, чтобы человек правильно сознавал задачу своих личных усилий в духовной жизни. Большая разница между человеком, который грешит и сознает, что делает, и человеком, который совершает тот же поступок и считает, что в этом нет ничего плохого. Они как будто бы делают одно и то же, но душевное состояние их совершенно различное.

Если один человек пьянствует и считает, что так и быть должно, а другой пьянствует и все время чувствует свою греховность и оплакивает ее, как свою немощь, здесь будет существенная внутренняя разница. В деле нашего внутреннего устройства, в деле нашего нравственного совершенствования есть одна зловердная мысль, которая уподобляет человека пьянице, оправдывающему свой порок. Эта мысль заключается в том, что высокие нравственные требования

христианства надо исполнять лишь настолько, насколько это не мешает обычному мирскому течению жизни.

Эта мысль возводит в принцип (возводит в закон, в правило) исполнение Христианского учения лишь постольку, поскольку оно не мешает жизни мирской. Может быть, люди, понимающие, что задачи христианские стоят перед каждым человеком во всей полноте и что законы нравственные и правила Святых Отцов и Церкви Святой должны исполняться во всей своей полноте, может быть, и они погрешают, может быть, и они не всегда делают и живут так, как бы требовало Слово Божие, но самое отношение к идеалам христианским, правилам духовной жизни и установлениям Церкви у них совершенно иное.

Неисчислимы бедствия для духовной жизни проистекают от возведения в правило и закон исполнения христианства «постольку поскольку».

Если человек чувствует свою немощь и не может выполнять то, что от него требует Святая Церковь и ощущает это как грех, он всегда будет радоваться на всякого человека, освобождающегося от немощности и старающегося трудиться, дабы встать на истинный путь полноты духовной жизни.

Если же человек думает, что так и быть должно, что христианство есть какой-то особый, для определенных дней и для определенных случаев предназначенный обычай, совершенно не долженствующий коренным образом менять жизнь человеческую, то он непременно будет раздражаться, и сердиться, и укорять всякого, особенно близкого человека, который всерьез задумает идти дорогой жизни духовной. А между тем, перед нами в Слове Божиим раскрывается нечто такое, что, казалось бы, должно нас совершенно исцелить от этого страшного недуга – «практической ереси», – возводящего как бы в некоторый закон такое совершенно недолжное понимание христианства, это то, где говорится и заповедуется нам подражание Христу.

Вот мы открываем Евангелие от Иоанна и читаем:

«Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13, 15).

Открываем первое послание апостола Петра и читаем:

«Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Пет. 2, 21).

Открываем первое послание Иоанна, читаем:

«Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал» (1 Ин. 2, 6).

Открываем послание апостола Павла к Филиппийцам, читаем:

«В вас должны быть те же чувствования, как и во Христе Иисусе» (Флп. 2, 5).

Неужели, прочтя эти слова, можно хоть на минуту согласиться с тем, что правы принимающие христианство «постольку поскольку»?

Оно не мешает кинематографам, театру, нашему мирскому благополучию, нашему мирскому времяпрепровождению?

Это ли значит: «в вас должны быть те же чувствования, как и во Христе Иисусе?»

Это ли значит, что: «Он пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его»?

Это ли есть пример, это ли есть дорога, указанная Спасителем?

Нам и более определенно в Слове Божиим раскрывается, в чем именно ждет от нас Господь подражания Христу. В послании к Ефессянам апостол Павел говорит:

«Живите в любви, ибо Христос возлюбил нас» (Еф.5,2).

Так вот чему мы должны подражать – любви Христовой, должны иметь такую любовь в сердце своем, которая бы была подобна той любви, которой возлюбил нас Христос. В Евангелии от Матфея читаем:

«Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф. 11, 29).

Вот чему научитесь – кротости и смирению, дабы нам быть такими же, как Господь наш Иисус Христос, показывающий этот пример.

Можно ли, будучи все время в раздражении, ведя постоянную озлобленную борьбу со всеми окружающими, можно ли, возвеличивая свою человеческую волю, впадая в гордыню, можно ли «брать» пример со Спасителя в Его кротости и смирении?

И как можно соединить это «постольку поскольку» с образом Христа, который, как предмет подражания, стоит перед внутренним зрением человека?

Увещевая Тимофея подвизаться добрым исповеданием, апостол Павел говорит:

«Добрым исповеданием подражай Христу, Который засвидетельствовал перед Понтием Пилатом доброе исповедание» (1 Тим. 6, 13).

Мы должны быть подражателями Христу и в нашем исповедании веры. Разве примиряется такое исповедание веры, которое требуется от нас этим примером, с нашим постоянным малодушием, с нашим постоянным трусливым прятанием своего христианского звания. Как мы до сих пор не почувствуем, не поймем, что мы, верующие, есть избранный народ, что сколько бы по числу вокруг нас ни было смеющихся и кощунствующих над нашей верой, это чувство высшего своего христианского достоинства должно всегда побуждать к открытому, твердому и решительному, доброму исповеданию.

Конечная цель нашего совершенствования, ради чего нужно брать этот пример, для чего все наши труды, вся наша работа Господня – теснейшее единение с Господом, когда, по слову апостола: «Будет Бог вся во всем» – «Будьте святы, потому что Я свят», – говорится в послании апостола Петра.

В Евангелии от Матфея говорится:

«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

Но, может быть, так поставленные задачи христианские могут возыметь совершенно обратное действие на нашу душу?

Может быть, увидав эту гору и почувствовав свою немощность, мы вовсе откажемся идти этим путем.

Ведь когда пригорок невысок, на него есть возможность взойти, а когда гора высока, у человека может явиться мысль: «Не подняться мне на нее, значит и пробовать нечего». Но это будет безумнейшая мысль, полнейшее непонимание того, что именно есть совершенствование по нашему христианскому пониманию.

Христианство не ставит определенных пределов совершенствования. Совершенствование беспредельно, ибо самая жизнь в Боге не может быть ограничена никакими определенными нравственными, хотя бы и самыми возвышенными, пределами. Значит, дело тут не в том, как высока гора, на которую ты подынешься, а важно то, чтобы ты, смиренно усвоив то, что тебе раскрыто в Слове Божиим, стал бы в полном сознании всей немощности своей трудиться для достижения поставленной перед тобой Господом задачи.

Ты никогда не должен говорить: «Я дойду только до этого места, потому что только до этого нужно идти».

Ты никогда не должен говорить: «Я подымусь на ту или иную высоту», – ты просто будешь трудиться над своим внутренним устройством, памятуя, что этого требует от тебя Господь, а

плоды – от благодати Божией. Дивные слова читаем мы по этому поводу у святого Иоанна Златоустого:

«Бог обыкновенно назначает венцы, взирая не на конец подвига, а на расположение подвижающихся».

В этих словах Иоанна Златоустого нам уясняется то, что от нас требует Господь и что нам дает надежду на этот венец. Нам дают надежду на это не какие-либо великие заслуги наши перед Господом, а наше внутренне расположение, устремление, готовность, желание трудиться и работать для Господа, а самый путь этой внутренней духовной работы беспределен, как беспредельно само совершенствование.

Мы никогда не должны искушаться страшной и кошунственной мыслью, что христианство – это какой-то заброшенный участок в нашей душе.

Но, работая над своим внутренним устройением, над спасением души своей, мы должны всегда памятовать о нашей немощности, твердо уповая на Божественную благодать.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В разные времена по разному в миру понималась жизнь.

В разные времена главнейшим считалось разное. Но действительная основа жизни всегда остается одна и та же.

Эта основа – любовь – слово, которое имеет неисчерпаемую глубину содержания.

В духовной жизни велико значение богомыслия.

Посмотрим, как учит нас Слово Божие о любви.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» (Мф. 22, 37).

Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобна ей:

«Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22,39).

На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки. В послании Иакова говорится:

«Если вы исполняете закон царский, по Писанию: возлюби ближнего твоего, как себя самого, – хорошо делаете» (Иак. 2, 8).

Апостол Иаков заповедь о любви к ближнему называет Царским законом. У апостола Павла о значении любви как основного закона бытия говорится:

«Любовь есть исполнение закона» (Рим. 13, 10).

И в другом послании:

«Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Кол. 3, 14).

В послании к Римлянам он говорит:

«Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим. 12. 15).

У Святых Отцов в соответствии с тем, что открывается об этом основном законе в Слове Божиим, говорится: у св. Григория Богослова:

«Если бы у нас кто спросил, что мы чувствуем и чему поклоняемся, ответ готов: мы чтим любовь».

У блаженного Августина читаем:

«Сущность всего Божественного Писания заключается в любви к Богу и ближним. Итак, если ты не имеешь столько сил и времени, чтобы надлежащим образом пересмотреть все листы Священного Писания и понять истину во всей ее полноте, постигнуть все тайны писания, то предайся только любви, которая обнимает собою все прочее».

Так утверждает Слово Божие и Св. Отцы основное значение любви. Но нужно вникнуть, что же здесь разумеется, какое содержание вкладывается в это понимание. Мы знаем чувство, которое мы называем любовью. Мы знаем любовь, которою мы любим детей своих, знаем любовь, которою мы любим друзей своих; многовидны, и разнообразны, и возвышенны проявления человеческой любви. Знаем мы и самую высочайшую из них – это любовь к Богу. Мы знаем, хотя, может быть, и редко переживаем, возможность любви даже к врагам своим. Все это переживается как некое чувство, нам же нужно уразуметь источник его, что оно есть, для того чтобы оно легло в основание поставленной перед нами задачи духовной жизни.

Чувство любви к Богу есть стремление к самосовершенствованию путем теснейшего соединения с Господом Богом.

Наше чувство любви к ближнему – это желание слиться духовно с ним. Другими словами, это есть таинственная способность и стремление человека к величайшему единству прежде всего с источником всякой жизни – с Господом, а затем со всем, что есть образ и подобие Его, т. е. с человеком, носящим в себе образ Божий.

Вот из этого источника, из этого таинственного стремления к полноте в единой жизни с Богом и всеми людьми, т. е. к жизни в Церкви, и проистекает это чувство возвышеннейшего состояния любви. По этому поводу мы имеем нечто в Слове Божиим, там говорится:

«Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 16). – «Всякий, любящий Родившего, любит и Рожденного от Него» (1 Ин. 5, 1).

В другом месте апостол говорит:

«Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга» (1 Ин. 4, 11).

В Евангелии от Иоанна читаем:

«Как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13, 34).

В Деяниях Апостольских об этом состоянии полного единства говорится:

«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4, 32).

В Евангелии от Иоанна читаем:

«Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21).

А ведь Бог есть любовь; тайна Пресвятой Троицы есть тайна любви, соединяющей, составляющей Единое Существо Божие. И мы, в этой заповеди Христовой, становимся сопричастниками этой Божественной любви, этой тайны Пресвятой Троицы.

Так вот, из этого источника, из таинственной глубины, где раскрывается, как высший идеал недостижимого совершенствования, раскрывается полнота единства любви Божествен-

ной, и проистекает чувство любви. Какие-то скрытые, бессознательно действующие законы этой же содержащей все в единстве любви Божией заключаются в самой природе.

Святой Василий Великий, с истинным даром благодатного уразумения Божественных тайн, по этому поводу написал в «Шестодневе» следующее:

«Целый мир, состоящий из разнородных частей, Бог связал каким-то неразрывным союзом любви в единое общение и единую гармонию, так что части, по положению своему весьма удаленные одна от другой, кажутся соединенными посредством симпатии».

Т.е. он видит во всей вселенной неосознанный нравственный закон любви, лежащий в основе вообще всякого бытия.

Вся вселенная связана в единую гармоничную жизнь, Божественный дух любви влит в самое бытие вселенной, которое есть не что иное, как союз любви. У человека это становится высочайшим идеалом, осознанным законом бытия его, бесконечной задачей его совершенствования, где этот союз любви и симпатии раскрывается и вырастает до Богосовершенствования. Вот поэтому чувство любви, которое сознаем мы в себе как некий Божественный дар, и кладем мы в основу закона жизни, закона бытия, ибо Господь все содержит Божественной любовью, все объединяет Собою, все Собою проникает, все делает единой Церковью. Потому и сказал апостол Павел о любви, что любовь никогда не перестанет:

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знамения упряднятся» (1 Кор. 13, 4–8).

Любовь не перестанет, потому что она переживет земную жизнь, потому что она содержит единство не только этого изменчивого бытия, но она будет содержать единство бытия вечного.

Когда мы говорим о любви как основе жизни, основе бытия, мы больше, чем при какой-либо иной проповеди, чувствуем себя «гласом вопиющего в пустыне» – потому что любовь, как сознанный закон жизни, не приемлется миром. Мир избрал иной закон, мир избрал закон тления и смерти, закон разделения и разложения. Путаясь, выбиваясь из сил, чтобы преодолеть это тление и разделение, люди создают видимость единства – внешнее единство, которое ничего не объединяет и ничего не содержит; оно, это внешнее единство, противопоставляется внутреннему единству любви.

Напоминание, и проповедь, и утверждение Божественного закона любви также неприемлемы для мира, как проповедь вечной жизни и бессмертия. Люди совершенно сознательно отказались от Бога, люди совершенно сознательно отказываются от своего Богочеловеческого достоинства, и посему они не могут не отказаться от того, что есть основа вечной жизни, они не могут не отказаться от любви Божественной.

Но мы верующие, как мы можем не строить всю нашу жизнь на началах любви, которой содержится, утверждается бытие мира?

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Каждую неделю мне приходится причащать больную, признанную врачами безнадежной. Каждую неделю я сижу около ее постели, и мы ведем беседы о смысле жизни. И я, каждый раз, чувствую, что идет какая-то непостижимая, но ясно ощущаемая борьба за эту душу.

И когда у постели чувствуется веяние смерти, то хочется противопоставить этому дыханию смерти какое-то высшее утверждение жизни и спасения. Не жизни земной, не продолжения этого все равно недолгого, временного бытия, а вечного, нетленного, истинного, бессмертного.

Раба Божия София умирает, едва начав жить, с каждым днем тает она на глазах, но в этой телесной оболочке все светлеет, все утверждается, все крепнет бытие вечное.

«Буду ли я жива?» – «Будете, будете».

Кто дерзнет брать на себя предсказания о земной жизни?

Но утверждаем истинное бытие и дерзаем утверждать даруемое Господом спасение.

Освобождается, освобождается тяжкими испытаниями, скорбями и болезнями наш дух от всевозможных обольщений и порабощений. Бойтесь в духовной жизни бесовских наваждений; в духовной жизни, непременно, надо знать своего врага. Духовная жизнь строится под всевозможными нападениями вражескими, и плох тот воин духовный, который небрежительно относится к изучению вражеских козней. Мы должны строить наш внутренний мир, зная не только те основания, на которых он строится, но должны строить его и зная те опасности, которые ему угрожают, эти опасности и есть обольщения бесовские.

Вот мы слышали в житии преподобного Памвы, как его хотели рассмешить бесы, которые сделали вид, что они запряглись и везут перо, и как они кричали: «Помоги нам, помоги нам!»

Изобразили бесовское смешное зрелище.

И засмеялся Памва, никогда не смеявшийся, и возрадовались бесы, что они рассмешили его. И сказал им Памва:

– Вы не рассмешили меня, я не рассмеялся, а посмеялся над вами, что вы даже пера не можете сvezти.

Бесы бессильны, они сильны лишь нашей слабостью.

Бесы бессильны, потому что они ложь от начала до конца. Ложь, бессильная сама по себе, имеет такую могущественную силу над нами обольщениями своими.

Вот этих-то обольщений и надлежит нам бояться в духовной жизни, обостряя свой внутренний взор для того, чтобы распознавать их. Самое страшное обольщение бесовское – это то, каким нам показывает бес мир, как он его принаряжает, в какие блестящие костюмы он облакает его, как он его расписывает. И когда смотрит человек, не освободившийся от этого обольщения, ему все кажется там таким пышным, нарядным и увлекательным.

Это и есть обольщение страшной мирской ложью. И когда спадет с очей человека бесовское обольщение, и он увидит разнаряженный, культурный мир таким, каков он есть в действительности, увидит душу этого мира, какой страшный, непривлекательный, злой, грязный, поганый увидит он мир. Обольщение бесовское касается не только прикрас мира, оно касается и нашей внутренней жизни. Посмотрите на людей, обольщенных этим бесовским наваждением, которое закрывает душу человеческую от собственных внутренних очей человека. Какой представляется им душа здоровой, устроенной, как будто бы все в ней прекрасно, все благополучно, а они просто не видят ее перед собой. И когда их кто-нибудь спросит, как они живут, – они ответят, сколько они получают на службе, ответят, какая у них квартирная площадь, скажут, может быть, о тех или иных семейных обстоятельствах, но душу свою они не видят. И если спадет с их очей это бесовское обольщение и они начнут присматриваться к внутренним движениям своего сердца, они ужаснутся, увидев, какая это все была ложь. То, что думали они о своей жизни, и какое у них на самом деле грязное, засоренное, разбитое, поганое сердце.

И, вглядываясь в свою душу без этого бесовского обольщения, закрывающего службой, квартирной площадью и прочими внешними обстоятельствами жизнь внутреннего мира человека от него самого, когда это обольщение кончится, каким предстанет перед собой человек разбитым, запутавшимся, опустошенным, неустроенным, несчастным. Но не только внутренний мир подлежит этому бесовскому обольщению.

Наши внешние отношения все запутаны этим же наваждением бесовским. Бес постоянно нас мутит, постоянно наговаривает, он постоянно плетет сети озлобления, разложения, разделения между людьми, он все представляет как правду, как истину, тогда как он весь неправда, весь ложь. Мы погибли бы в этом обольщении, если были бы отданы лишь своим собственным силам.

Но к великому нашему утешению, к великой радости нашей, мы вовсе не брошены на произвол судьбы, а над нами все время действует Божественный Промысел. И если действие Божественного Промысла иногда и заслоняется от нас этим же наваждением бесовским, то это не значит, что он перестает действовать.

Когда мы поддаемся здесь бесовскому наваждению, мы воистину делаемся бессильными в этом страшном мире всевозможных кошмарных обольщений бесовских. Есть некий путь, который непременно приведет человека к освобождению от этого наваждения бесовского, который есть истинная дорога туда, где исчезают все обольщения, как при свете исчезает мрак, это путь, о котором мы всегда благовествуем и на который так трудно встают верующие, разумею путь молитвенного делания. Слышал фразу, искренне, от сердца сказанную: «Лучше бы мне камни таскать, чем молиться, вот, как трудно мне себя заставить». – Да как же не трудно, когда здесь на руках и ногах как путы висят препятствующие молитвенному деланию невидимые наши враги и темные силы. Когда ты хочешь камень поднять, как бы он ни был тяжел, тебе никто не помешает, а здесь, за этот маленький камешек твоего молитвенного делания цепляются и не пускают тебя страшные враги твоего спасения. Тут все у них пущено в ход: и твои телесные немощи, и твои всевозможные житейские неотложные заботы, и твоя рассеянная мысль, воспоминания, чувство окаменелости сердца, и уныние, и просто «позабыл», все здесь пустит враг в ход, лишь бы только ты не встал на этот путь, ибо он знает, что как только ты встанешь на путь молитвы, конец этому царству лжи и обмана. Как только ты встанешь на этот путь, так и обнаружится весь обман бесовский, ибо откроется перед тобой, что есть истинный мир, что есть твоя душа и какой истинный путь спасения. Как же бесу не бояться, что он, прикрывшийся и кажущийся таким прекрасным, вдруг будет увиден таким, каков он есть на самом деле.

В молитве утверждается такое отношение к миру, каковым оно должно быть. Надо непременно полюбить молитву и надо не только в своем воображении или пожелании, а на самом деле, на самом деле взяться за нее и устраивать, не откладывая, молитвенную свою жизнь.

Не всем в семнадцать лет суждено лежать на смертном одре, но эта страшная тяжба со смертью, которая происходит у одра семнадцатилетней девушки, будет у одра каждого из нас, и то, как нам будет суждено пережить час смертный, зависит от того, как мы проведем свою жизнь.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Я слышу за окном разговор. Говорят два голоса. Я знаю, что мужской голос принадлежит молодому человеку, служащему в галантерейном магазине, а женский голос – старушке, матери его жены.

– Ты что думаешь, – говорит мужской голос, – это небо?

– А что же?

– Это сгущенный воздух. Вот вас так попы и обманывают!

– Слышишь гром, ты небось думаешь, что Илья-пророк катается?

– А что же такое?

– Это электричество. Вот вас так попы-то и обманывают!

Старушка огорченно говорит:

– Мы умрем – к Господу пойдем, а вы куда?

– Мы никуда, да и вы никуда, потому что никакой вечной жизни нет. Это все попы выдумали.

Вот этот случайно донесшийся до меня разговор слышится сейчас по всей Руси. Почти смешно, совершенно ни с чем не соотносимо, но этот «сгущенный воздух», о котором где-то вычитал молодой человек, и это «электричество» победоносно разрушают в простых сердцах истины веры.

«Сгущенный воздух, а не небо» – это безграмотная фраза. Но молодой человек говорит ее, торжествуя победу над обманутой в своей вере старушкой. Если бы я мог его спросить (но ведь он никогда не придет сюда), какое отношение к истинам веры имеет то, что гром происходит от электричества? Конечно, он не ответил бы на этот вопрос, но разве ему это важно?.. Он убежден, что поймал обманщика-попа, разоблачил его.

Воистину почти смешной разговор, но над ним можно и заплакать. Ибо что значит вот этот «сгущенный воздух» и «электричество»? Это страшно много значит. Это значит погибшая для спасения душа. Наука ли повинна в этом? Наука ли отнимает веру? Сколько раз уже мы возвращались к этому вопросу, и надо ли вновь здесь свидетельствовать, что серьезное, настоящее образование вполне уживается с верой, что истины веры лежат совершенно в другой плоскости, чем научное знание, и поэтому если не сделать передержки, наука никогда не сможет разрушить веру.

Но самое страшное – это не слова, а тон, в котором они говорились, это тон радостного торжества. Можно подумать, что человек торжествует победу, доставляющую ему какие-то необычайные блага. Насмешка дьявола в том и состоит, что он заставляет людей вырывать из себя самое лучшее, самое святое, самое радостное, что есть в них, и вместо того чтобы привести их при этом ужасном деле к слезам отчаяния, к величайшей тоске, он вселил в них веселье, дал им чувство, как будто бы здесь достигнуто что-то необычайно приятное для людей. Но что же достигнуто?.. Кто-то говорил, ты будешь жить вечно. Это мечта, фантазия, несбыточная греза... На миг допустим, что это так, но здесь есть чему радоваться, здесь есть от чего прийти в восторг, здесь понятно ликование: ведь ему говорят о бессмертной, вечной, блаженной жизни. Но вот говорят человеку: «Ты проживешь несколько дней, месяцев, лет, умрешь, сгниешь – и больше ничего». Откуда же здесь веселие? Откуда здесь торжество? Чего же торжествовать, что ты только ни для чего не нужное соединение вещества, которое разрушится, и живой человек превратится в гниющее тело. Откуда же здесь взяться торжеству, если человек не впал в безумие?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.